

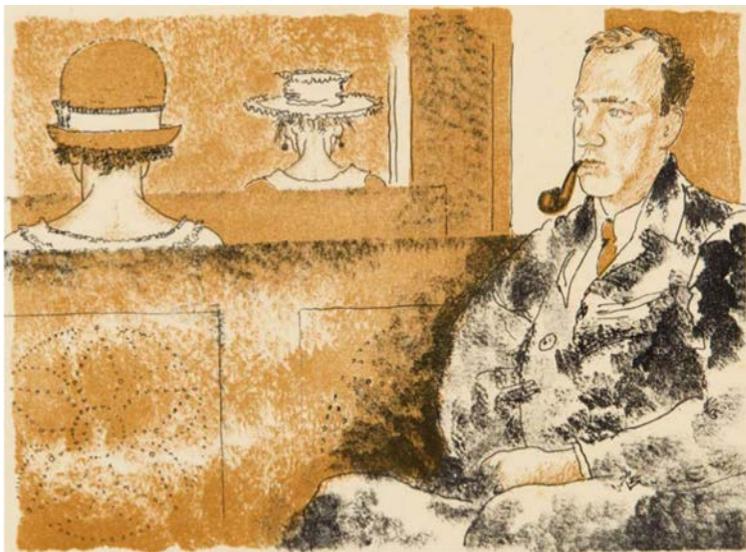
ТУРГЕНЕВ И ФЕТ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ В. М. КОНАШЕВИЧА

Светлана Ипатова

Владимир Михайлович Конашевич (1888–1963) — выдающийся отечественный график, художник книги, плодовитый иллюстратор, стоявший у истоков формирования советской школы иллюстрирования. Имя его ассоциируется у современного читателя со множеством оформленных им детских книжек. Конашевич известен каждому с детства как автор замечательных, ставших классическими рисунков к произведениям С. Я. Маршака («Дом, который построил Джек», «Пожар»), К. И. Чуковского («Мухоморок», «Тараканище», «Телефон», «Мойдодыр» и др.), А. П. Гайдара, Ю. К. Олеши, к сказкам А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, Ш. Перро, братьев Гримм, к басням И. А. Крылова. Между тем в его творческой биографии значительное место занимают иллюстрации к «взрослым» произведениям русской и западноевропейской классической и современной литературы: Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. А. Фет, А. П. Чехов, М. М. Зощенко, М. Горький, К. А. Федин, Ф. К. Сологуб, Д. И. Хармс, Л. Н. Сейфуллина, Б. Л. Пастернак; а также Г. Гейне, аббат Прево («Манон Леско»), Ф. Шиллер, Р. Б. Шеридан и др. Конашевич хорошо известен как живописец, портретист, автор декоративных работ.

*Г. С. Верейский. Портрет
В. М. Конашевича. 1926.
Литография*

В. М. Конашевич. В вагоне. Портрет Э. Ф. Голлербаха. 1926

Владимир Михайлович Конашевич родился в 1888 году в Новочеркасске (главном городе области Войска Донского), учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1908–1914), окончил его по классу портрета. В 1915 году Конашевич переехал в Петроград, где принял участие в росписи стен и плафонов во дворце князя Ф. Ф. Юсупова на Мойке (вместе с художниками С. В. Чехониным и Н. А. Тырсой) и других петроградских особняков. После Октябрьской революции был привлечен к реставрации росписей Павловского дворца (1918), вскоре стал помощником хранителя Павловского дворца-музея (1918–1926), по которому составил путеводитель¹. Преподавал в Академии художеств, руководил литографической мастерской, активно работая в технике литографии; сотрудничал в «пионере» советских детских

¹ Конашевич В. Павловск. Окрестности Ленинграда: Путеводитель. — М.; Л.: ГИЗ, 1927. — 96 с. См.: Молок Ю. Владимир Михайлович Конашевич. — Л.: Художник РСФСР, 1969. — С. 49–54.

журналов «Северном сиянии», редактируемом М. Горьким (1919–1920)².

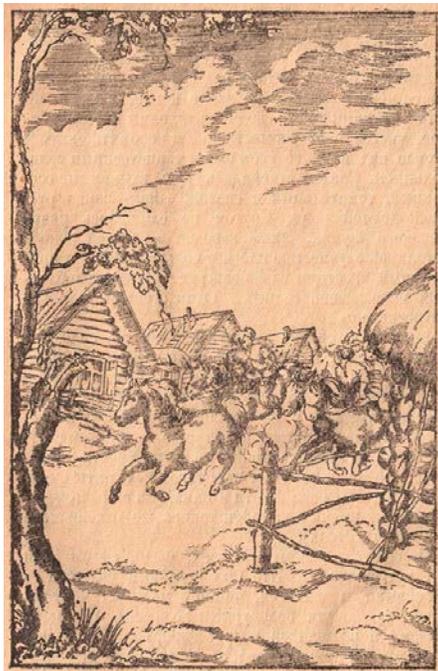
Первым опытом В. М. Конашевича в области детской иллюстрации стали изданные в типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» «Азбука в рисунках» (Пг., 1918; 36 рис.) и «Розовая азбука. Сост. Е. Е. Соловьевой» (Пг., 1918), близкие по своей художественной стилистике направлению «Мир искусства». Ранний период творчества художника в качестве иллюстратора и оформителя книг (1917–1922) оказался тесно связан с традициями этого прославленного объединения, членом которого Конашевич формально не являлся. Но при этом он был участником группы «Шестнадцать» (1922–1924), развивавшей традицию «Мира искусства»; в группу входили Б. М. Кустодиев, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, Д. И. Митрохин и др.

В 1919–1920 годах художник вместе с другими мирискусниками был привлечен к оформлению «просветительских» изданий серии «Народная библиотека», предпринятой Литературно-издательским отделом при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе). Продукцией издательства, выходившей огромными тиражами, являлись дешевые издания классиков; их выбор определялся степенью «близости к трудовому народу», а художественная форма была ориентирована на максимальную ясность и доступность графического языка.

В. М. Конашевич.
Хоровод (Азбука в рисунках. — Пг., 1918)

² См.: Кудина Е. В. «Северное сияние. Журнал для детей» (Петроград, 1919–1920). Роспись содержания // Литературный факт. — 2022. — № 4 (26). — С. 278–296.

Тургенев И. С. Бежин луг /
рис. В. М. Конашевича. — Пб., 1919

Такие издания печатались на серой бумаге, случайными шрифтами, без типографских украшений³, что было связано с материальными трудностями переходного времени, а также с возросшей грамотностью и недостатком книг, ориентированных на массового читателя. В «народной» серии В. М. Конашевич проиллюстрировал рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг»⁴ и «Женитьбу» Н. В. Гоголя, заказанные издательством. Это было первое обращение художника к Тургеневу, официальный выбор имени которого был мотивирован установившейся в советское время идеологической репутацией писателя как борца с самодержавием, мастерски и правдиво, с официальной точки зрения, изображав-

шего мужицкую Русь и духовную природу русского народа («Записки охотника»).

На форзацах «народных» тургеневских изданий была помещена следующая справка Наркомпроса: «Сочинения И. С. Тургенева монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года. Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны. П. И. Лебедев-Полянский». Трудно оценивать

³ См.: Чегодаева М. А. Там за горами горя... Поэты, художники, издатели, критики в 1916–1923 годах. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 255–263.

⁴ Тургенев И. С. Бежин луг. — Пб. : ЛИО Наркомпроса, 1919. — (Народная б-ка). — 3 ил.

художественные достоинства этих ранних обращений художника к Тургеневу в силу их некачественной полиграфической подачи, что подтверждается выполненными одиннадцатью годами позже уже зрелым мастером иллюстрациями 1930 года к рассказам «Бирюк»⁵ и «Бежин луг»⁶, вышедшим в «Государственном издательстве» для массового читателя, поскольку и их полиграфическое качество не давало представления о талантливости Конашевича и художественных достоинствах графического комментирования тургеневского текста.

Известность художнику-иллюстратору принесли созданные им в 1922–1923 годах три иллюстрационных цикла к библиофильским изданиям, показавших его стилистическую независимость от мирискуснических графических традиций⁷, — это оформленный художником сборник «Стихотворений» А. А. Фета, вышедший в 1922 году в петербургском издательстве «Аквилон»⁸; два произведения И. С. Тургенева, подготовленные в частных издательствах: «Помещик»⁹ и «Первая любовь»¹⁰, в которых в полной мере проявился новаторский, узнаваемый почерк художника, выработанный долгими поисками собственной графической манеры. Выйдя из книжной культуры «Мира искусства» и используя в новой стилистике рисунков приемы мирискуснической графики, В. М. Конашевич отошел от их эстетики, что было очевидно современникам. Изобразительные комментарии к этим трем книгам были высоко оценены современниками.

⁵ Тургенев И. С. Бирюк: Рассказ / рис. В. Конашевича. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. — 23 с.; цв. обл.

⁶ Тургенев И. С. Бежин луг: Рассказ / рис. В. Конашевича. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. — 47 с.; цв. обл.

⁷ См.: Фомин Д. В. Графические традиции «Мира искусства» в раннем творчестве В. М. Конашевича // *Academia*. — 2022. — № 1. — С. 71–84.

⁸ Фет А. А. Стихотворения / рис. В. Конашевича. — Пб.: Аквилон, 1922. — 48 с.

⁹ Тургенев И. С. Помещик / ред. и послесл. Б. Л. Модзалевского; рис. В. М. Конашевича. — Пб.: Изд-во «АСК», 1922. — 63 с.

¹⁰ Тургенев И. С. Первая любовь / рис. В. Конашевича. — Берлин; Пб.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. — 132 с. Тип. Б. Г. Тейбнера, иллюстрации отпечатаны в тип. Шпамера в Лейпциге.

Об интенсивности работы художника в первые годы после революции свидетельствует его первая персональная выставка, проходившая в Доме искусств в Петрограде в июне 1921 года, где была представлена книжная графика В. М. Конашевича (1918–1921). В журнале «Среди коллекционеров» библиофил и искусствовед В. К. Охочинский писал: «В середине июня в “Доме Искусств” была открыта очень интересная выставка произведений Вл. Конашевича, рельефно отразившая творчество этого художника, который стал теперь в ряды лучших наших рисовальщиков и графиков», выделив среди остальных работ «оригинальные по замыслу и исполнению рисунки к “Первой любви” Тургенева — для Гржебина»¹¹. Художник Вениамин Белкин, обозревая выставку общества «Мир искусства» в Аничковом дворце (лето 1922 года), писал о Конашевиче в берлинском журнале «Новая русская книга»: от его графики и иллюстраций «в совершенном опьянении и восторге все книгоиздательства Петрограда, и поделом, так он все делает хорошо и сладостно»¹².

Повесть в стихах «Помещик» была написана 26-летним И. С. Тургеневым в 1845 году и впервые опубликована Н. А. Некрасовым в альманахе «Петербургский сборник» (1846, январь), на страницах которого издатель поместил произведения В. Ф. Одоевского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, В. А. Соллогуба, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского (дебютный роман «Бедные люди») и др.¹³ Автором визуального сопровождения текста поэмы Тургенева выступил выдающийся автор жанровой иллюстрации Александр Алексеевич Агин (1817–1875), имя которого, благодаря иллюстрациям к «Поме-

¹¹ Среди коллекционеров. — 1921. — № 6–7. — С. 51–52 (подпись: «В. О.»).

¹² Белкин В. Петербургские письма. Выставка «Мир искусства» // Новая русская книга (Берлин). — 1922. — № 7. — С. 25.

¹³ Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. Некоторые статьи иллюстрированы. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. — С. 169–202. См. также: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Т. 1. — М.: Наука, 1978. — С. 153–172, 475–480. Кроме того, в сборнике были опубликованы рассказ Тургенева «Три портрета» (с. 447–482), а также переводы стихотворений «Тьма (Из Байрона)» (с. 501–503) и «Римская элегия. Гёте (XII)» (с. 512–513).

Тургенев И. С. Помещик /ил. А. А. Агина // *Петербургский сборник*. — СПб., 1846

щико» и «Мертвым душам» Н. В. Гоголя (1846), вошло в историю русской графики¹⁴. По выходе сборника тургеневская повесть в стихах собрала обильную отрицательную критику, местами несправедливую: автора обвиняли главным образом за ничтожность сюжета, бедность и пустоту содержания. Рецензент петербургского журнала «Иллюстрация», издаваемого Н. В. Кукольниковом, не без игривости пересказав содержание тургеневской поэмы, все же отметил ее достоинства: «После романчика («Бедные люди». — С. И.) следует иллюстрированная поэмка г. Тургенева. Рассказано хорошими стихами следующее происшествие. Помещик, в отсутствие жены, вероятно злой и сварливой, обошел свое хозяйство, побранил мужиков, пожурил детей и учителя, сел в тарантас и отправился к вдовушке-соседке, пленившей весь око-

¹⁴ Кузьминский Конст. Художник-иллюстратор А. А. Агин, его жизнь и творчество. — М.: Наука, 1913. — С. 37–49, 74–78.

Тургенев И. С. Помещик / ил. А. А. Агина // Петербургский сборник. — СПб., 1846

лоток своим дородством и любезностью <...>. На дороге сломалась ось, и помещик попался в лапки своей жены, которая, на беду, слишком скоро воротилась с богомолья. Само собою разумеется, что жена приняла мужа в руки и отвезла домой. <...> Хорошие стихи г. Тургенева украшены хорошими рисунками г. Агина, хорошо вырезанными на дереве г. Бернадским»¹⁵.

«Москвитянин», журнал славянофильского направления, откликнулся разгромной рецензией С. П. Шевырёва, который не без иронии отметил противоречивость в оформлении поэмы, а именно: вторич-

ность словесного материала по отношению к художественному: «Вот повесть в стихах Г. Ив. Тургенева, с рисунками Г. А. Агина, гравированными на дереве Г. Е. Бернадским!»¹⁶ <...> Г. Ив. Тургенев предлагает читателям повесть в стихах: Помещик. При ней политипажи. Трудно решить: политипажи ли для повести, повесть ли для политипажей. Вернее последнее <...>; но только приделывавший повесть к политипажам плохо переводил в стихи карандаш рисовальщика»; и далее, от-

¹⁵ Иллюстрация. — 1846. — Т. II. № 4 (40). — С. 59 (без подписи).

¹⁶ Бернадский (Бернадский) Евстафий Ефимович (1819–1889) — гравёр-иллюстратор, ксилограф (гравюра на дереве); учился в ксилографической мастерской К. К. Клодта. Друг и соавтор А. А. Агина; самой известной их совместной работой стало издание «100 рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые души»» (вышли только 72; в полном объеме альбом был издан позже: Сто четыре рисунка к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / рис. А. Агин, грав. Бернадский. — 3-е изд. — СПб. : Изд. Д. Д. Федорова, 1892). См.: Лесков Н. Об иллюстрациях «Мертвых душ» // Нива. — 1892. — № 8 (22 февр.). — С. 186–187.

казывая Тургеневу в знании уездного быта и русского языка, «немилостивого к автору», рецензент предлагает ему «проехаться по России» и убедиться, что описанный дворянский быт не существует в действительности¹⁷. То есть Шевырëв не без полемического запала не только вменил автору незнание России, но и отметил вторичность текста по отношению к иллюстрациям, тем самым оценив его ниже достоинств рисунков Агина, хотя о рисунках как таковых Шевырëв никак не высказался.

В. Г. Белинский, который неоднократно одобрительно отзывался о «Помещике», в рецензии на «Петербургский сборник» определил поэму как «легкую, живую, блестящую импровизацию, исполненную ума, иронии, остроумия и грации», и связал тургеневскую «шутку», по сюжетному признаку, с басней И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791), «Графом Нулиным» и «Домиком в Коломне» А. С. Пушкина. Специально критик остановился на сопутствующих рисунках: «К “Помещику” приложены прекрасные картинки, рисованные г. Агиным. Мы очень рады случаю отдать должную справедливость таланту этого молодого художника. Г. Тимм — бесспорно лучший рисовальщик в России, но в его карандаше ничего нет русского. Смотря на картинки г. Агина, невольно вспомнишь стих Пушкина: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”. Его картинки к “Помещику” — загляденье! — за исключением, впрочем, четырех, которые не удались, как 16-я, 17-я и 19-я, или мало удались, как 11-я»¹⁸. Белинский указал номера глав. Как позже в 1922 году остроумно заметил Б. Л. Модзалевский,

¹⁷ Шевырëв С. П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Москвитянин. — 1846. — Ч. 1, кн. 2. — С. 163, 174–179 (подпись: «С. Ш.»). Политипаж — старинное название отпечатка гравюры на дереве в тексте книги (ксилография).

¹⁸ Отечественные записки. — 1846. — Т. XLV. Отд. V. — С. 21–23. См. также: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М. : АН СССР, 1953–1959. — Т. 9 : Статьи и рецензии. 1845–1846. — 1955. — С. 567, 572. Белинский упоминает Тимма Василия Федоровича (1820–1895) — живописца, карикатуриста, иллюстратора, рисовальщика батальных и жанровых сцен, издававшего «Русский художественный листок» (1851–1862). См.: Верещагин В. А. Русская карикатура. В. Ф. Тимм. — СПб. : Сириус, 1911. — 96, [3] с.

Агин за свои иллюстрации «разделил с Тургеневым долю похвал и порицаний»¹⁹.

Об иллюстрациях А. А. Агина к «Помещику» как об успешных попутно отозвался и сам И. С. Тургенев, оценивая в 1847 году рисунки художника к «Мертвым душам» (речь идет о первой тетради. — С. И.): «Скажем кстати несколько слов о предприятии, которое во всяком случае достойно похвалы, если не за исполнение, по крайней мере за намерение и добросовестный труд. Мы говорим о рисунках к “Мертвым душам” Гоголя. Браться за типы, созданные этим великим мастером, страшно... И мы не можем скрыть от г. Агина, что они ему не вполне дались. Мы помним его рисунки к “Тарантасу”²⁰, к “Помещику”: типы те приходились его таланту по плечу, — и нельзя было не радоваться его работе. Со стороны внешнего исполнения рисунки к “Мертвым душам” чрезвычайно удовлетворительны; рисованы и резаны на дереве очень хорошо... иные даже приближаются к истине, но только приближаются, только намекают на настоящее понимание»; уловить «такой замечательно оригинальный тип» Чичикова, который, по мнению рецензента, особенно не удался Агину, «может только весьма большой талант». И далее Тургенев заключает французской цитатой из Вольтера: «Иной блистает во втором ряду,

¹⁹ Модзалевский Б. Л. Тургенев и его иллюстратор Агин // И. С. Тургенев. Помещик / ред. и послесл. Б. Л. Модзалевского; рис. В. М. Конашевича. — Пб.: Изд-во АСК, 1922. — С. 57 (вся статья: с. 37–63). Далее сокращенно: Модзалевский, с указанием страницы.

²⁰ Тургенев ошибся: Агин не был причастен к иллюстрированию повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845). Сам Соллогуб вспоминал, что «Тарантас» был «написан текстом к рисункам Гагарина» (Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887. — С. 188; см. также базовую работу А. Н. Савинова, отстаивавшего авторство Г. Г. Гагарина: Савинов А. Н. Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893). — М.: Искусство, 1951. — С. 19–27). Приведенное упоминание Тургенева, безусловно, не было источником установившегося в специальной литературе устойчивого мнения о полной или частичной принадлежности рисунков Агину, между тем большинство искусствоведов, отстаивающих его авторство, подкрепили свои суждения «свидетельством» писателя (см. исчерпывающую эту тему статью: Дорошин А. Ю. Вокруг «Тарантаса», или О бедном... замолвите слово // Невский библиофил: альманах. — Вып. 19. — СПб.: Северная звезда, 2014. — С. 157–175).

но меркнет в первом»²¹. Это высказывание писателя крайне важно: задача иллюстратора, сформулированная Тургеневым как автором, — это «приближение к истине» и «настоящее понимание» произведения, т. е. внимательное чтение текста.

Вернемся к «Помещику». В 1922 году издательством «АСК» было принято решение переиздать тургеневскую повесть. Книга, снабженная иллюстрациями В. М. Конашевича (им же была выполнена марка издательства), вышла в августе того же года. Обширное послесловие к книге написал пушкинист, библиограф, член-корреспондент Академии наук Борис Львович Модзалевский (1874–1928)²², привлеченный в качестве редактора. В статье, озаглавленной «Тургенев и его иллюстратор Агин», ученый дал критико-библиографический обзор всех предшествующих оценок поэмы и подвел итог: «Таковы дошедшие до нас голоса современников и потомков о шуточной поэме Тургенева. <...> они, в общем, благосклонны к Тургеневу и отметили все положительные стороны его произведения. Прекрасные же иллюстрации к ней Агина, если не считать восторженного и чуткого отзыва о них Белинского, прошли почти незамечен-

Тургенев И. С. Помещик / ил. В. М. Конашевича. — Пб., 1922. Тит. лист

²¹ [Тургенев И. С.] Современные заметки // Современник. — 1847. — № 1. Отд. «Смесь». — С. 74–75 (Б. п.). См. также: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Т. 1. — С. 284–285, 519.

²² Критико-библиографический обзор всех оценок поэмы «Помещик», начиная от 1840-х годов XIX века до 1922 года, см. в послесловии: Модзалевский. — С. 37–63; см. также: Александр Алексеевич Агин. Материалы к библиографии [Электронный ресурс] // Библио-Бюро Стрижева — Бирюковой. — URL: <https://proza.ru/2021/09/08/78> (дата обращения: 10.09.2024). К публикации ошибочно вместо портрета А. А. Агина приложен портрет, вероятно, Т. Г. Шевченко. (Автопортрет Агина и карандашный рисунок М. П. Клодта приведены в книге: Стернин Г. Ю. Александр Алексеевич Агин, 1817–1875. — М.: Искусство, 1955).

Тургенев И. С. Помещик /
ил. В. М. Конашевича. — Пб., 1922

ной в книге с иллюстрациями В. М. Конашевича, вероятно, объясняет тот факт, что изначально планировалось переиздать рисунки 1846 года, сопровождавшие первую публикацию повести, однако это издание не состоялось — вероятно, по техническим причинам; в статье Модзалевского по этому поводу говорится: «Нельзя не пожалеть, что современные нам условия типографского дела лишают нас возможности представить современному нам русскому читателю воспроизведение многочисленных иллюстраций Агина»²⁵. Скорее

ными; между тем, эти иллюстрации, на наш взгляд, должны были сильно содействовать успеху повести Тургенева»²³. Несколько страниц статьи исследователь отвел трагической биографии «даровитого художника» Агина. «Достойным переизданием замечательных рисунков Агина, — отметил ученый в заключение, — <...> будет сделана скромная попытка воздать это должное памяти высокоталантливого художника»; иллюстрации Агина «знакомят нас, наряду с текстом Тургенева», с прошлым, «тою Русью, которая отошла в область далекого прошлого»²⁴. Между тем ни одного рисунка Агина в издании 1922 года воспроизведено не было.

Странность несоответствия содержания большой статьи Б. Л. Модзалевского, посвященной А. А. Агину, опубликован-

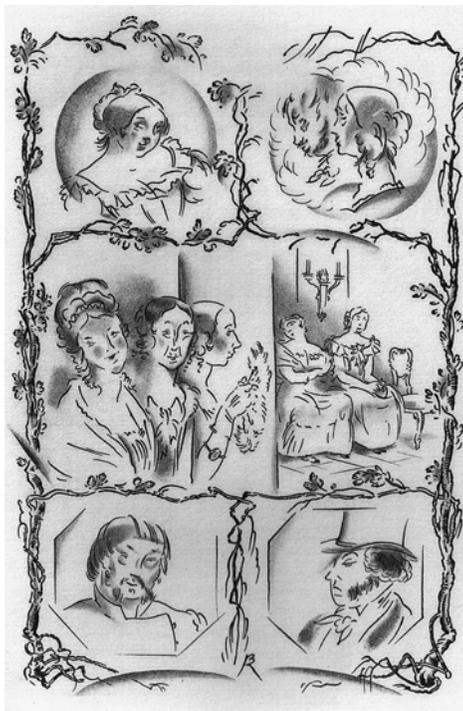
²³ Модзалевский. — С. 57.

²⁴ Там же. — С. 62–63.

²⁵ Там же. — С. 57.

всего, медлительность и дороговизна изготовления клише (даже деревянных, не говоря о цинковых) материально затруднили воспроизведение агинских рисунков, к тому же для частной печати монополизированного государством Тургенева требовались особое разрешение, составление сметы и пр., т. е. дополнительные расходы. «Издание классиков монополизируется государством, — писал А. Н. Бенуа в своем дневнике в 1918 году, — и на первых порах это выразится в печатании с готовых конфискованных матриц; если же частная инициатива тоже пожелала бы издать Пушкина или Тургенева, то пришлось бы представить смету на утверждение и разрешение правительства»²⁶.

Не исключено, что предполагалось параллельно снабдить книгу рисунками и Агина, и Конашевича, — и это отразило промежуточный этап работы, — последний в какой-то мере должен был соперничать со своим предшественником: об этом упоминается в анонсе журнала «Среди коллекционеров»: «Вскоре появится одно из произведений Тургенева с иллюстрациями Конашевича и Агина»²⁷. Сообщение, скорее всего, достоверное, поскольку Конашевич был оформителем журнала. Глухо об этом упоминается и у Модзалевского: «...давать же воспроизведение лишь некоторых, немногих из них (рисунков Агина. — С. И.),

Тургенев И. С. Помещик /
ил. В. М. Конашевича. — Пб., 1922

²⁶ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 годов. — М. : Захаров, 2006. — С. 688.

²⁷ Среди коллекционеров. — 1922. — № 5. — С. 85.

не достигало бы цели, так как не знакоило бы с целым замыслом даровитого художника»²⁸; поэтому вместо них были приложены «несколько оригинальных рисунков современного нам талантливого художника-графика В. М. Конашевича»²⁹. Это единственное упоминание об одиночном, достаточно популярном иллюстраторе в обстоятельной статье ученого об Агине выглядит данью скорее хорошему тону, нежели объективности. Итак, подчеркнем важные для понимания роли иллюстрации мысли, высказанные Модзалевским в связи с Тургеневым: иллюстрации способны содействовать успеху повести; иллюстрации — это не случайный набор картинок, а некий визуальный ряд, имеющий цельный замысел, подчиненный раскрытию смысла произведения.

Выпуск книги был осуществлен издателем Абрамом Сауловичем Каганом (1889–1983), основателем и совладельцем издательства «Петрополис» (с 1918 года), в созданном им издательстве «АСК», название которому дала собственная монограмма основателя. Отпечатана книга была в лучшей государственной 15-й типографии (национализированном бывшем «Товариществе Р. Голике и А. Вильборг»), в количестве 1000 нумерованных экземпляров³⁰. Предполагалось, согласно сообщению Модзалевского, что Каган все-таки повторит агинского «Помещика» 1846 года; скорее всего, этот проект не состоялся. В августе 1922-го издатель был арестован и выслан из России на знаменитом «философском» пароходе. Поиски берлинского (зарубежного) переиздания с рисунками Агина результатов не дали.

Иллюстрации В. М. Конашевича — в отличие от рисунков А. А. Агина, сатирически толкующих смысл поэмы, — переводили этот смысл в иронический план, как тонко подметил

²⁸ Примечание Модзалевского: «Однако, одновременно с настоящим изданием "Помещика", в Берлине издательством А. С. Кагана выпускается издание с рисунками Агина» (*Модзалевский*. — С. 57).

²⁹ Там же.

³⁰ См.: *Тургенев И. С. Помещик* / ред. и послесл. Б. Л. Модзалевского; рис. В. М. Конашевича. — Пб.: Изд-во АСК, 1922. — URL: <http://www.raruss.ru/excellent/2706-konashевич-turgenev-landowner.html> (дата обращения: 10.09.2024).

эту разницу исследователь³¹; и по этой причине, вероятно, они были не очень близки эстетическому восприятию Б. Л. Модзалевского и не вполне отвечали его академическим представлениям, как должен выглядеть тургеневский «Помещик» в переводе на современную изобразительную интерпретацию. «Текст Тургенева, — завершил свою статью ученый, — знакомит нас с прошлым, в котором были здоровые зерна и которое заставляет нас с верою ждать всходов в будущем, скрытом от нас туманом настоящего». Вероятно, с точки зрения Модзалевского, Конашевич как часть «настоящего» не вполне «отвечал» тексту Тургенева. Косвенным подтверждением тому служит эпизод, описанный в дневнике художника Константина Сомова 21 февраля 1922 года: «Утром приходил Борис Львович Модзалевский предлагать иллюстрировать маленькую поэму Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед», которую он тут же мне прочел. Очень милая, забавная полуэротика. Но я все же отказался, рекомендовал ему пригласить для этой работы Конашевича»³². Напомним: визит ученого к Сомову состоялся в самый разгар работы над «Помещиком». Известно, что Конашевич, к которому, скорее всего, Модзалевский не обращался, «Опасного соседа»

Тургенев И. С. Помещик /
ил. В. М. Конашевича. — Пб., 1922

³¹ См.: Молок Ю. Владимир Михайлович Конашевич. — С. 31.

³² Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. — М.: Искусство, 1979. — (Мир художника). — С. 207.

не иллюстрировал; едва ли художник, последуй это предложение, отказался бы от интересного для иллюстратора материала.

В заметке для несостоявшегося выпуска журнала «Ирида» Л. С. Утевский, редактор пушкинодомского издательства «Атеней», отметил: «В начале мая <1922> издательством выпускается новое издание “Опасного соседа” В. Л. Пушкина (по списку, находящемуся в тетради поэта И. С. Никитина) под редакцией и с примечаниями В. И. Чернышева»³³. Издание, как известно, вышло без иллюстраций. Обложка, марка, титульный лист, заставки и концовки были выполнены Александром Николаевичем Лео (1868–1943) — художником книги, каллиграфом, шрифтовиком, который с 1903 года являлся оформителем в типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг».

В благосклонной анонимной рецензии журнала «Книга и революция» отмечалось: «Прелестно рассказанный “физиологический” анекдот, веселая сатира Тургенева много лет назад (1846 г.) появилась с рисунками А. А. Агина в “Петербургском сборнике”, который издал Некрасов. Устаревший ныне Агин сохраняет для нас лишь некоторое историческое значение, да и по таланту он гораздо ниже современного иллюстратора, который хорошо воспринял и тургеневскую иронию, и поэзию старого быта». Претензии рецензента вызвало послесловие редактора: «Компилятивная, безучастно составленная статья Б. Л. Модзалевского, род канцелярского “экстракта” — “Тургенев и его иллюстратор Агин”, которая в значительной части своей была бы уместнее при издании рисунков Агина, дает, однако, полезный справочный материал. Редактор ссылается на рукопись поэмы. Хотелось бы знать, почему он не сообщил отброшенных цензурой или ради цензуры стихов, если рукопись ему известна. / Книжка издана прекрасно»³⁴.

³³ Утевский Л. С. Издательство «Атеней»: ИРЛИ. Ф. 568 (Архив А. Г. Фомина). Оп. I. № 125. Л. 327.

³⁴ Книга и революция. — 1922. — № 9–10 (21–22). — С. 96.

Известный библиограф, специалист по гравюре В. Я. Ада-рюков отметил в рецензии, помещенной в журнале «Среди коллекционеров»: «Настоящее издание “Помещика” снабжено оригинальными рисунками современного нам талантливому художнику-графика В. М. Конашевича. Рисунки эти, на наш взгляд, не все одинакового достоинства; среди удачных, как, например, первый рисунок, есть значительно менее удачные, к числу которых надо отнести типы провинциальных дам и кавалеров», автор «обстоятельной статьи Модзалевский дает новые сведения об Агине»³⁵. Признанный знаток в области книжной графики московский искусствовед и коллекционер проф. А. А. Сидоров в 1923 году благожелательно откликнулся на издание, отметив возрождение популярности имени А. А. Агина: «В. М. Конашевич, выработавший в себе манеру рисуночного характера живописно-светотеневого, принужден в репродукции своих иллюстраций прибегать к фототипии; его две книжки — “Стихотворения” Фета и “Помещик” Тургенева — вполне оправдывают и эту манеру <...>. Последняя из упомянутых книг Конашевича любопытна, между прочим, и в другом отношении: в ней расцвет современной иллюстрации вспоминает давнее ее возрождение, в 40-х годах прошлого века; имя А. А. Агина, иллюстратора Гоголя и того же Тургенева, в настоящее время становится одним из популярнейших в истории русского искусства; его неизданные рисунки, самые случайные, публикуются в особых брошюрах (“Рисунок Агина” т. Флеера, П. 1922), ему посвящаются научные доклады (К. С. Кузьминского в Московском “Обществе друзей книги”, см. журн. “Среди коллекционеров” 1922 г.)»³⁶.

Итак, несмотря на неудачу с первоначальным замыслом повторить издание с рисунками А. А. Агина, «Помещик», увидевший свет с новаторскими иллюстрациями В. М. Конашевича, стремившегося найти свой индивидуальный почерк,

³⁵ Среди коллекционеров. — 1922. — № 10. — С. 49.

³⁶ Сидоров А. А., проф. Русская графика за годы революции. 1917–1922 г. — М. : Дом печати, 1923. — С. 35; отзывы на сборник на с. 95–96. Речь идет о неизвестном рисунке к «Мертвым душам» (см.: Флеер М. Г. Неизданный рисунок Агина. — Пб. : 15-я гос. тип., 1922).

считается наиболее удачным образцом советской полиграфии, менявшей прежние коренные принципы иллюстрирования художественной литературы.

Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь», оформленная В. М. Конашевичем, вышла в Берлине (на титуле «Берлин — Петербург») в 1923 году, в издательстве З. И. Гржебина³⁷. А. Н. Бенуа был художественным консультантом в издательстве Гржебина, задумавшего при участии М. Горького масштабный проект издания всей русской классической литературы; вероятно, с его подачи Конашевич в 1921 году получил от Гржебина заказ на иллюстрирование повести Тургенева. Таким образом, работа над оформлением книги велась почти одновременно с созданием рисунков к «Помещику» (1922), а также к «Белым ночам» Ф. М. Достоевского (остались неизданными, считаются утраченными) и к «Стихотворениям» А. А. Фета (1922).

Так вышло, что «Первая любовь» увидела свет последней из них, «и многие, — констатирует современный исследователь, — приняли за итог то, что на самом деле было началом. Маленький формат, чередование заставок, страничных иллюстраций и мелких виньеток <...> придали книге интимный облик», создав «определенную изобразительную параллель литературному тексту», здесь «прояснился лирический склад его дарования»³⁸. Искусствовед Д. В. Фомин, анализируя эту работу В. М. Конашевича, писал: «Зрительный ряд изящного библиофильского издания повести И. С. Тургенева “Первая любовь”» тщательно «продуман и четко выстроен; страничные и полустраничные цветные иллюстрации чередуются с небольшими монохромными композициями, выполненными тушью и черной акварелью с размывкой. Ритмика их расположения в пространстве книги созвучна темпу развития сюжета; ни один важный эпизод не остался без внимания художника.

³⁷ Частное издательство, организованное в 1919 году в Петрограде Зиновием Исаевичем Гржебиным (1877–1929), выпускало русскую классику, современную литературу, детские книги; закрылось в 1923 году.

³⁸ Моляк Ю. Владимир Михайлович Конашевич. — С. 27.

Тургенев И. С. Первая любовь / рис. В. Конашевича. —
Берлин ; Пб. : Изд-во З. И. Гржебина, 1923. Бумага, акварель, тушь

Иллюстратор явно симпатизирует главному герою и в то же время не упускает случая подчеркнуть его наивность, неловкость, инфантильность. В сущности, это — восторженный, впечатлительный ребенок, случайно попавший в компанию взрослых, но еще не усвоивший “правила игры”, принятые в этом кругу»³⁹. Приведенная оценка относительно графики невольно оказывается и некоторым суждением о литературном тексте, обнаруживая свою сопричастность литературно-критическому суждению.

³⁹ Фомин Д. В. Графические традиции «Мира искусства»... — С. 79–80.

Обратим внимание на высказывание исследователя: иллюстрация как «определенная изобразительная параллель литературному тексту», и это совпадает с тем, что писал В. М. Конашевич в 1935 году в статье «Некоторые мысли о приемах иллюстрирования книги»: «Направление, по которому идет иллюстратор, <...> должно точно совпадать с основной линией рассказа, точно следовать развитию фабулы. <...> В таком случае он последовательно освещает все главные моменты развития интриги. <...> линия повествования и линия иллюстрации — должны быть параллельны»; и, таким образом, иллюстрации «только дополняют и поясняют текст», т. е. «художник смотрит глазами автора», тут «уместно полное проникновение в эпоху и обстановку рассказа»⁴⁰. Вероятно, именно по этому направлению следовал Конашевич, иллюстрируя «Первую любовь». И далее, рассуждая о типе писателей, наблюдающих и знающих жизнь, художник отметил, что И. С. Тургенев, как и Л. Н. Толстой, обладал «острой наблюдательностью», его дарование сродни «дару живописца»: «...он любил подробно рассказывать о внешности своих героев и никогда не путал разные типы. / И вот, когда мир увиден глазами художника-живописца, иллюстратору дано очень много <...> таких авторов иллюстрировать легче»⁴¹.

Визуальная интерпретация сборника «Стихотворения» А. А. Фета стала самой новаторской работой В. М. Конашевича. Повторим: работа художника над «Помещиком», «Первой любовью» Тургенева и над созданием рисунков к поэзии Фета велась практически одновременно. Искусствовед Вл. Охочинский сообщал в хронике журнала «Среди коллекционеров» в 1922 году об интенсивности работы художника в этот

⁴⁰ Конашевич В. М. Некоторые мысли о приемах иллюстрирования книги (1935) // В. М. Конашевич. О себе и своем деле: Воспоминания, статьи, письма / сост., подг. текста и примеч. Ю. Молока. — М.: Детская литература, 1968. — С. 198–199.

⁴¹ Там же. — С. 206. Напомним, что И. С. Тургенев, обладавший способностями рисовальщика, выступил иллюстратором трех рассказов из «Записок охотника» («Касьян с Красивой Мечи», «Однодворец Овсяников», «Гамлет Щигровского уезда»).

период: «Вл. М. Конашевич работает над целым рядом иллюстраций. Им закончены иллюстрации к 26 стихотворениям А. Фета <...>. Вскоре появится одно из произведений Тургенева с иллюстрациями Конашевича и Агина. Затем в гржебинском издательстве в Берлине выходит с иллюстрациями того же художника “Первая любовь” Тургенева»⁴². Между тем именно фетовский цикл вызвал громкий резонанс, обратив на себя пристальное внимание современников. «Это — одна из лучших работ Конашевича, — утверждал Э. Ф. Голлербах, говоря о фетовском сборнике, — если и не вполне адекватная лирике Фета, то, все-таки, очень к ней близкая и удивительно передающая фетовскую легкость и озаренность, — “шепот, робкое дыханье” его стихов (выбранных, кстати сказать, самим художником с большим вкусом)»⁴³.

Критика 1920-х годов, а также современные искусствоведы оказались практически единодушны в признании этой работы «наивысшим достижением Конашевича, быть может, лучшим, что было им создано в книге на протяжении всего его долгого и яркого творчества»; его иллюстрации, при «всей

Фет А. А. Стихотворения /
рис. В. Конашевича. — Пб.: Аквилон, 1922

⁴² Среди коллекционеров. — 1922. — № 5–6 (май — июнь). — С. 85 (подпись: «В. О.»).

⁴³ Голлербах Э. Графика В. М. Конашевича: Очерк // Красная нива. — 1926. — № 33. — С. 9.

Фет А. А. Стихотворения /
рис. В. Конашевича. — Пб.: Аквилон, 1922

своей жизненной натуральности, свойственной Конашевичу той поры, ... кажутся чем-то "сверхъестественным", как бы "потусторонним", зазеркальным. <...> Зрительность поэзии Фета находит в рисунках Конашевича полное и точное воплощение»⁴⁴. Хотя «в наследии мастера, — тонко подметил современный исследователь, — есть произведения более совершенные, именно фетовскому циклу суждено было сыграть особую роль в судьбе отечественной книжной графики, расширить ее границы, изменить традиционные представления о ее возможностях»⁴⁵.

Итак, сборник «Стихотворений» А. А. Фета с иллюстрациями В. М. Конашевича вышел в частном петербургском издательстве «Аквилон», основанном в сентябре 1921 года искусствоведам и коллекционером Ф. Ф. Нотгафтом со-

вместно с двумя другими библиофилами-книголюбями — врачом Б. В. Эльканом и инженером-технологом В. М. Кантором. Марку «Аквилона» выполнил М. В. Добужинский. Издательство ориентировалось не на коммерческий успех и массовый читательский охват, а исключительно на развитие и поощрение полиграфического искусства. Как писал Э. Ф. Голлербах в 1926 году, среди частных издательств, «возникших при

⁴⁴ См.: Чегодаева М. А. Там за горами горя... — С. 306–307.

⁴⁵ Фомин Д. В. Графические традиции «Мира искусства»... — С. 81.

Советском строе», «Аквилон», «просуществовавший немного более двух лет, ярко выделяется по своей программе и по качеству своей продукции» — выпуск иллюстрированных книг, при этом «предоставляя самим художникам выбор текста с целью дать им возможность делать то, что им по душе, что отвечает их вкусу и склонностям»⁴⁶. Издательством были привлечены лучшие представители художественного направления «Мир искусства» — А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиев, К. С. Петров-Водкин, М. В. Добужинский, Д. И. Митрохин, а также В. М. Конашевич. Добужинский оформил «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина, «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, «Тупейного художника» Н. С. Лескова, «Белые ночи» Ф. М. Достоевского. Кустодиев иллюстрировал стихотворения Н. А. Некрасова, Митрохин — рассказ «Золотой жук» Э. По. Современная критика с восторгом встретила издания «Аквилона», видя в них начало возрождения русской художественной книги. Просуществовав до ноября 1924 года, издательство выпустило около 25 книг и вынужденно прекратило свое существование из-за финансовых затруднений: высокохудожественные дорогие издания, отпечатанные в знаменитой типографии Голике и Вильборга ограниченным тиражом, как произведения искусства оказались невостребованными у массового читателя.

В. М. Конашевич неожиданно выбрал для иллюстрирования А. А. Фета, своего любимого лирического поэта. Приступая к работе над книгой, художник составил сборник из 26 стихотворений, вероятно, наиболее близких ему, и снабдил их 15 рисунками; среди них такие шедевры, как: «Следить твои шаги, молиться и любить...», «Как трудно повторять живую красоту...», «Ночь и я, мы оба дышим...», «Ты прав, мы старимся...», «О, как волнуюсь я мыслию больною...», «Купальщица» и др. Фетовский сборник сразу же обратил на себя «повышенное внимание современников», что, по мнению современного исследователя, объясняется не столько «художественными

⁴⁶ Голлербах Э. Ф. Издательство «Аквилон» (1926): РНБ. Ф. 12 («Аквилон»). № 2. Л. 2 (авторизованная машинописная копия).

Фет А. А. Стихотворения /
рис. В. Конашевича. — Пб.: Аквилон, 1922

достоинствами» работы, «сколько неожиданным выбором литературной первоосновы, непривычным характером взаимоотношений текста и изображения»⁴⁷.

Так, восторженно отозвался о сборнике Э. Ф. Голлербах: «Шестым произведением “Аквилона” было издание избранных стихотворений Фета, подбор которых принадлежит В. М. Конашевичу, создавшему к ним серию рисунков, воспроизведенных частью фототипией, частью штриховой цинкографией не столько иллюстрационного, сколько “сопроводительного” порядка. / Нужно ли говорить, как трудно иллюстрировать Фета, чья лирика вся построена на не сказанном, невыразимом ни словами, ни рисунком, чьи образы волнуют нас неясностью, зыбкостью своих очертаний? Конашевич спра-

вился со своей задачей мастерски. В его рисунках переливаются свет и тени, дрожат и тают неясные контуры, вызывая в нас настроения, адекватные переживаниям поэта. / К сожалению, часть рисунков исполнена фототипией (способом, весьма не “книжным”), а часть штриховой цинкографией, что создает неприятные “перебои”. / Интересен подбор стихотворений, сделанный с таким пониманием Фетовской сущности, что сборник приобретает характер законченного, целостного цикла стихов. Отсюда можно было бы изъять разве

⁴⁷ Фомин Д. В. Графические традиции «Мира искусства»... — С. 80–81.

одно-два стихотворения, добавив два-три других, но не больше. / Обложка “Фета” принадлежит к малоудачным работам Конашевича. Рисунок с розой, похожей на поднос, также мог бы быть изъят без ущерба для книги»⁴⁸.

Анонимный рецензент журнала «Книга и революция» отметил случайность в составлении сборника: «Главная ценность этой книжки — в иллюстрациях. Хрестоматическая выборка из творчества великого лирика произведена капризно и не дает цельного представления о Фете; я не стал бы на это указывать, если бы каждая из включенных в нее 26 пьес сопровождалась иллюстрацией, но этого нет, и кое-что производит впечатление взятого, что называется, “на подверстку”», что «не мешает, конечно, каждому отдельному стихотворению быть прекрасным: трудно найти плохие стихи у Фета»; Вл. Конашевич «человек весьма талантливый, хороший рисовальщик, с своеобразной техникой, с большой чуткостью к поэзии и быту»; перечислив некоторые неудачные рисунки, рецензент особо отметил «тонкие, безупречные иллюстрации» к стихотворениям «Какая грусть...», «Жду я, тревогой объят...» и др. и заключил: «Некоторые рисунки Конашевича останутся навсегда связанными в памяти ценителя с стихами Фета, я не знаю лучшей похвалы иллюстратору; жаль, что не о каждом рисунке можно это сказать. / Издана книжка с большим вкусом, типографская работа нашей знаменитой 15 государственной, бывш<ей> Голике и Вильборг, безукоризненна»⁴⁹. «Прелестные иллюстрации Конашевича для Фета и “Белых ночей” <...>», — записывает 4 февраля 1922 года в своем дневнике Константин Сомов, присутствовавший при отборе картин для выставки⁵⁰.

⁴⁸ Голлербах Э. Ф. Издательство «Аквилон» (1926): РНБ. Ф. 12 («Аквилон»). № 2. Л. 8 (авторизованная машинописная копия). См. также: Доклад Э. Ф. Голлербаха «В. М. Конашевич как иллюстратор художественной литературы» (1930). Протокол: РНБ. Ф. 316 (Институт книговедения). № 436. Л. 134 об. — 135.

⁴⁹ Книга и революция. — 1922. — № 9–10 (21–22). — С. 97 (без подписи).

⁵⁰ Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. — С. 207.

Вместе с тем современники отмечали, что не все композиции, включенные в сборник, равноценны. Так, П. Д. Эттингер писал Д. И. Митрохину в июле 1923 года: «Любопытно, как отнесетесь к Фету в интерпретации Конашевича <...>. Мне эти рисунки его очень нравятся, и он в них нашел что-то новое и свое. Конечно, два “подноса” портят ценность книжки»⁵¹. Знаковая фигура художественной жизни Советской России искусствовед и библиофил А. А. Сидоров, считавший продукцию «Аквилона» вершиной русского книжного искусства, писал о сборнике, в какой-то мере солидаризируясь, но явно не соглашаясь с Ю. Н. Тыняновым (статья «Иллюстрации»): «Фет с иллюстрациями столь выдвинувшегося за годы революции В. М. Конашевича, <...> поднял бы перед нами новый вопрос — о лирической иллюстрации вообще, об очень трудной задаче образного сопровождения “живой красоты” — которая мнится недоступной для передачи даже поэту. В. М. Конашевич изумительно справился с своей задачей. <...> Но “иллюстрации” ли вообще эти изумительные и автономно законченные графические сопровождения текста? В них все-таки торжествует иное стилистическое переплетение задач художника, читателя, делателя книги, нежели подчинение воле текста, которое мы признаем специфичным для иллюстрации как таковой. “Фет” — и в этом, быть может, изумительный документ *нашего*, современно обостренного отношения к поэзии прошлого — “ретроспективное мечтательство”? — что же из того?»⁵²

Итак, новаторство художника заключалось, прежде всего, в том, что впервые иллюстрация поэтического текста обрела свою самостоятельность, дистанцировавшись от графической трактовки его бытописательской составляющей. «Если отдельные попытки, — пишет Ю. А. Молок, — графически выразить специфику поэтического текста и предпринимались,

⁵¹ Книга о Митрохине: Статьи, письма, воспоминания / сост. Л. В. Чага. — Л.: Художник РСФСР, 1986. — С. 284.

⁵² Сидоров А. А. Классики «Аквилона» (1926): РНБ. Ф. 12. № 4. Л. 5–6 (белой автограф с правкой).

то были весьма неуклюжими <...>. На этом фоне особенно смелой выглядит идея молодого художника перевести в зрительный ряд произведения, казалось бы, в принципе не поддающиеся иллюстрированию»; создается впечатление, продолжает исследователь, что он задался целью доказать обратное и преуспел в своем вроде бы совершенно безнадежном начинании, сделал невозможное. «Сама манера рисунков, их будто случайная фактура, <...> вся эта кажущаяся недоговоренность формы и оставляет место для раздумий, рождает ассоциации, отвечает самому строю лирики Фета <...>»⁵³. Таким образом, при всех «досадных просчетах» Конашевич, по мнению другого современного исследователя, «не просто создал замечательный цикл, но открыл новую область в оформительском искусстве, доказав, что даже самые тонкие и сложные образцы лирической поэзии поддаются иллюстрированию, что их изобразительная трактовка может быть бережной и тактичной, созвучной духу и букве первоисточника»⁵⁴. Именно после выхода книги А. А. Фета В. М. Конашевичу было предложено иллюстрировать сборник стихотворений А. А. Блока (в издательстве «Алконост» совместно с «Аквилоном»); проект, как известно, не состоялся⁵⁵.

У фетовского графического цикла, снискавшего множество почитателей среди художников, библиофилов и искусствоведов, нашелся серьезный критик в лице Ю. Н. Тынянова. На фоне восторженных отзывов в 1923 году в журнале «Книга и революция» появляется его полемическая статья «Иллюстрации», в начале которой критик задает провокативный вопрос: «Можно ли иллюстрировать стихи Фета, казавшиеся современникам настолько бессмысленными, что даже оставляли за собою все пародии Конрада Лилиеншвагера (псевдоним Н. А. Добролюбова. — С. И.), Фета, свидетельствовавшего о них:

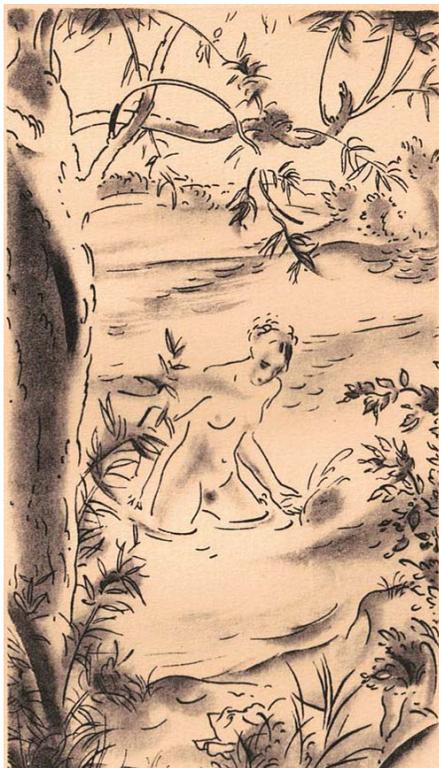
⁵³ Молок Ю. Владимир Михайлович Конашевич. — С. 29.

⁵⁴ См.: Фомин Д. В. Графические традиции «Мира искусства»... — С. 82.

⁵⁵ См. письмо В. М. Конашевича к Э. Ф. Голлербаху от 27 ноября 1923 года (РНБ. Ф. 207. № 113. Л. 3; см. также: № 48. Л. 1).

*Что сказалось в них — не знаю,
И не нужно мне.*

*Неужели можно нарисовать, как
Поздним летом в окна спальни
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова <...>⁵⁶*

*Фет А. А. Стихотворения /
рис. В. Конашевича. — Пб.: Аквилон, 1922*

А ведь во всех стихотворениях Фета, даже там, где как будто нащупывается предметная “образность” (“Купальщица”), подлинно новым, фетовским явлением искусства была, конечно, не тема, и не предмет вообще, а стиховой предмет⁵⁷. Фетовский цикл В. М. Конашевича оказался в гуще оживленной дискуссии, заданной Ю. Н. Тыняновым, о правомерности подобного иллюстрирования поэтического произведения. «Рисунок, — писал Тынянов, — должен быть рассматриваем, очевидно, не сам по себе, он что-то должен дополнить в произведении, чем-то обогатить, в чем-то конкретизировать его. Так, рядом со стихотворением Фета “Купальщица” нам предстоит “Купальщица” Конашевича. Слишком очевидно, что стихотворение

⁵⁶ Стихотворение А. А. Фета «Нет, не жди ты песни страстной...» (1855).

⁵⁷ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 315; впервые: Книга и революция. — 1923. — № 4. — С. 15–19.

Фета здесь не повод к созданию рисунка Конашевича (как таковой он может быть интересен только при изучении творчества художника), что стихотворение Фета здесь истолковано художником. Это-то истолкование и представляет сомнительную ценность. Конкретность произведения словесного искусства не соответствует его конкретности в плане живописи»⁵⁸. То есть, по мнению критика, слово по определению не поддается конкретизации пластическими средствами. На свои вопросы — «иллюстрируют ли иллюстрации?» и «в чем их связь с текстом?» — Тынянов, следуя полемическому заданию статьи, выносит вердикт: «Танцевальное иллюстрирование Шопена и графическое иллюстрирование Фета мешает Шопену и Фету, и танцу, и графике. / Иллюстрированная книга — плохое воспитательное средство. Чем она “роскошнее”, чем претенциознее, — тем хуже»⁵⁹.

Статья критика стала не только фактом прошлого литературного процесса, насыщенного полемикой, — и в этом ее несомненная ценность, — но и актуализировала давние вопросы, на которые в свое время пытались ответить В. Н. Майков, Ф. И. Буслаев, В. В. Стасов, художественная критика 1920-х годов, а именно: задача иллюстрации художественного текста, иллюстрация как истолкование словесного материала, соотношение свободы и объективности иллюстратора, границы вторжения иллюстрации в смысловое авторское целое, соотношение конкретности словесной и конкретности живописной, полезность иллюстрации, и наконец, насколько необходима и правомерна иллюстрация вообще. Иллюстративные циклы В. М. Конашевича к произведениям И. С. Тургенева «Помещик» и «Первая любовь», а также к сборнику стихотворений А. А. Фета, созданные художником почти одновременно (1922–1923), оказались созвучны своим первоисточникам и доказали правомерность и необходимость иллюстрации. Не вторгаясь в словесное поле собственными смысловыми привнесениями, чуждыми авторскому тексту,

⁵⁸ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — С. 315.

⁵⁹ Там же. — С. 318.

художник направляет воспоминания, ассоциации, эмоции зрителя/читателя в определенное русло, заданное автором, обогащая его текст. Но если бы художник не привнес в книги собственные наблюдения, настроения, переживания, они едва ли вызвали бы живой отклик зрителей и читателей. Э. Ф. Голлербах писал в середине 1920-х годов: «Если бы Конашевич ничего не сделал, кроме Фета, “Первой любви” и “Помещика”, то и тогда бы его имя запомнилось в истории иллюстрационного искусства»⁶⁰.

⁶⁰ Голлербах Э. Графика В. М. Конашевича. — С. 16.